

На кладбище за пределами Лянси была двойная могила. По сравнению с дорогостоящим участком, где были похоронены Моу Циньчжи и Хэ Инхуа, эта старая могила, казалось, была ухожена гораздо лучше.

Старик наклонился перед могилой и предложил несколько палочек благовоний. Пока он сжигал жертвенные бумажные деньги, он сказал Сюй Чуню:

— Здесь похоронены биологические родители Хайюаня. Раньше он приезжал сюда каждый год, но теперь уже давно не возвращался. Когда Лю Лань была жива, она часто приходила, чтобы помочь ему ухаживать за этими могилами. Теперь, когда Лю Лань ушла, прихожу я.

***

Бюро уголовных расследований. Отдел тяжких преступлений.

— Один из биологических родителей Моу Хайюаня умер от голода, когда Моу Хайюань был еще подростком, а другой также скончался до того, как Моу Хайюань стал знаменитым. Никто из них не дождался до того, чтобы увидеть, как Моу Хайюань сделал себе имя. — Фан Юаньхан вздохнул, сообщив информацию, которую прислал Сюй Чунь. — Неудивительно, что Моу Хайюань так одержим «проявлением сыновней почтительности». У него не осталось биологических родителей, поэтому он создал жизнь, в которой он мог бы быть сыновним по отношению к своим нанятым «родителям».

Минг Шу покачал головой:

— Он не одержим идеей «проявления сыновней почтительности». Он одержим идеей «быть почтительным сыном».

— Есть ли разница? — спросил Фан Юаньхан.

— Конечно, есть, — сказал Минг Шу. — Действие «проявления сыновней почтительности» совершается ради родителей, в то время как действие «стать почтительным сыном» — это образ, который вы надеваете ради посторонних. Десятилетия назад, когда фильмы о боевых искусствах были популярны, Моу Хайюаня нельзя было назвать выдающимся с точки зрения внешности или мастерства. И, как и ожидалось, он не был таким уж популярным. Ему нужно было создать для себя характеристику, которая выделяла бы его среди всех остальных, и в качестве этой характеристики он выбрал «сыновнюю почтительность». Судя по тому, как жили Моу Циньчжи и Хэ Инхуа, большая часть жизни Моу Хайюаня была притворством.

Фан Юаньхан задумался:

— Это правда. Моу Хайюань — это тот тип людей, которые пытаются использовать других, чтобы искупить свои собственные грехи. Как он может обладать чувством сыновней

почтительности? Больше всего он боится условий своего детства. Он жалеет себя в прошлом, и именно поэтому он пожертвовал деньги всем этим благотворительным организациям для молодежи, когда разбогател.

Минг Шу долго молчал.

— Малыш Минг? — позвал И Фэй.

— Теперь у нас есть четкое понимание предыстории и мотивов Моу Хайюаня. — Минг Шу глубоко вздохнул. На его лице появилось серьезное выражение. — Но что насчет самого человека? Где он? Как бы близко мы ни были к истине, все это бессмысленно, если мы не можем его найти.

Услышав это, И Фэй сжал правую руку в кулак и прижал ее к губам.

Это действительно была самая сложная проблема сейчас. Многие дела, которые оставались нераскрытыми в течение нескольких десятилетий, наткнулись именно на эту загвоздку. Все улики и доказательства были налицо. Они точно знали, кто был их главным подозреваемым. Но как бы они ни искали, они не могли найти этого подозреваемого. В некоторых случаях подозреваемый в конечном итоге появлялся. А в других случаях подозреваемый в конечном итоге, по какой-то причине, оказывался мертвым.

Оба крупных дела, которые вел Отдел по расследованию тяжких преступлений, увязли в одной и той же проблеме.

— Двадцать один год назад Цинь Ин был спасен Куй Ченом. — Минг Шу откинулся на спинку стула и закрыл глаза, когда начал рассказывать то, что они знали. — Цинь Ин чувствовал, что должен отомстить семье Цинь. Но в то же время он должен был чувствовать, что должен отплатить и Куй Чену. Люди, которые не могут простить преступления, совершенные против них, обычно не забудут и одолжений, которые им оказывают. Цинь Ин...

В этот момент Минг Шу внезапно открыл глаза.

— Если Цинь Ин был тем, кто убил четверых человек в квартире 5-8, то до или после того, как он начал мстить, он должен был хотя бы отправиться на гору Циюэ, чтобы навестить Куй Ченя и других монахов, которые когда-то заботились о нем.

— Но если бы он это сделал, он бы, скорее всего, раскрыл себя, — сказал И Фэй.

— Не обязательно. — Минг Шу покачал головой. — Гора Циюэ и улица Лунчэн не имеют абсолютно никакого отношения друг к другу, за исключением этих случаев. Если бы на горе Циюэ все было спокойно, мы могли бы тщательно расследовать дело квартиры 5-8, даже не связывая его с горой Циюэ.

— Но у Цинь Иня все равно не было причин посещать Куй Чена. Куй Чен, который спас его много лет назад, вероятно, уже умер, верно? — спросил Фан Юаньхан. Но как только он закончил говорить, он внезапно выпрямился от шока. — Нет, подождите! Куй Чен того времени, вероятно, мертв, а нынешний Куй Чен — это Моу Хайюань, притворяющийся старым Куй Ченом. Но Цинь Ин не обязательно знает об этом, так что он все равно мог посетить гору!

Минг Шу скрестил руки на груди и нахмурился, глядя на Фан Юаньхана.

Этого взгляда было достаточно, чтобы волосы Фан Юаньхана встали дыбом:

— Шеф?

— Скажем, гипотетически... — Минг Шу открыл блокнот и начал что-то записывать. — Цинь Ин вернулся в город Донгье, чтобы отомстить. Его целью была семья Цинь Сюна, но перед тем, как отомстить, он отправился навестить монахов, которые спасли ему жизнь. Итак, он сначала идет в храм Хайцзин и узнает, что Ху Чэнъи, один из монахов, который заботился о нем, уже ушел. И он также обнаруживает, что Куй Чен больше не тот добрый человек из его воспоминаний. Что теперь будет делать Цинь Ин?

— С точки зрения человека, одержимого жадной мести, — размышлял И Фэй, — Цинь Ину потребовалось бы время, чтобы понаблюдать за мастером Куй Чэнем, проанализировать его действия и, наконец...

— Наконец-то он обнаружил, что мастера Куй Чена «заменяли»! — воскликнул Минг Шу.

— Блядь! — воскликнул Фан Юаньхан. — Тогда разве Цинь Ин не был бы в ярости, узнав правду? Разве он не столкнулся бы с Моу Хайюанем, чтобы получить ответы на вопрос, куда делся настоящий Мастер Куй Чен?

— Цинь Ин мог убить фальшивого Куй Чена, — сказал И Фэй. — По логике Моу Хайюаня, он должен был убить всех монахов на горе, чтобы осуществить свое предполагаемое «искупление». Он нашел бы причину исчезнуть только после этого. Но он ушел в изоляцию в июне и с тех пор его никто не видел. С тех пор он также никого не убивал из храма Хайцзин, что по сути означает, что он «сбежал» до того, как закончил искупать свои грехи.

— Изначально я полагал, что Моу Хайюань мог отложить свое «искупление», потому что понял, что не сможет убить Инь Сяофэна и Фан Пинсюя так, как он убил трех других монахов. Поэтому он исчез под предлогом изоляции, чтобы выиграть время и придумать другой способ завершить свое «искупление», — сказал Минг Шу. Его взгляд был прикован к неразборчивой надписи в блокноте. — Но теперь есть еще одна возможность. Он мог исчезнуть, поняв, что на него нацелились.

Голова Фан Юаньхана начала болеть:

— Так что, мне снова идти допрашивать монахов в храме? Ху Чэнъи сказал, что Цинь Ин никогда не возвращался в храм Хайцзин, но Ху Чэнъи знает только о времени, когда он лично не покинул храм. Он ничего не знает о последних трех годах там. А что, если Цинь Ин посетил храм Хайцзин в этом году или в прошлом году?

— Конечно, нам придется поговорить с ними еще раз, — сказал Минг Шу. Он шлепнул ручкой по блокноту. — На этот раз сосредоточься на Чу Сине.

— Чу Сине? — удивился Фан Юаньхан. — У него нет ничего общего с Моу Хайюанем. Он стал монахом в храме Хайцзин лишь по совпадению.

Однако И Фэй вмешался и сказал:

— Я согласен с Малышом Мингом. Расследуя эти дела, мы все отметили Чу Синя в сторону по разным причинам. Мы все считали, что не имеет значения, допрашиваем мы его или нет. Сначала мы отодвинули его в сторону, потому что изучили его прошлое как члена семьи Чу и не нашли ничего подозрительного. Затем мы пренебрегли им, потому что у него не было никаких «сходств» с Моу Хайюанем. Но в этот момент... честно говоря, я уже начал чувствовать, что мы обыскали каждый уголок и щель. Если мы продолжим идти теми же путями, мы так и будем попадать в те же тупики. Это значит, что нам совершенно необходимо изучить Чу Синя и получить хорошее представление о том, кто он такой. Похоже, у него вообще нет мотива, но после того, как мы исключили всех остальных, он — единственное, что у нас осталось.

— Операция на сердце, — сказал Минг Шу. — Чу Синь перенес операцию на сердце семь лет назад, и не то чтобы у нас в стране не было отличных хирургических бригад. Почему семья Чу организовала ему эту операцию за границей? Произошло ли что-то до или после операции, что, по их мнению, нужно скрыть?

Фан Юаньхан подготовил набор вопросов и снова допросил Лю Суя, Тан Юаня, Инь Сяофэна, Фан Пинсюя и Чу Синя, по одному за раз. Все пять монахов сказали, что количество посетителей храма резко возросло за последние годы. Количество туристов увеличилось, и число людей, приходящих возжечь благовония, также возросло. Даже те, кто не приходил возжигать благовония, часто взволнованно спрашивали, нет ли в храме кого-то «особенного», с кем они могли бы встретиться.

Когда Фан Юаньхан спросил, проявлял ли кто-нибудь повышенный интерес к Куй Чену, например, постоянно спрашивал о нем или встречался с ним несколько раз, все пятеро монахов ответили, что не могут никого вспомнить.

Тан Юань и Лю Суй познакомились с Цинь Ином двадцать один год назад, но даже у них не сложилось впечатления, что кто-то подобный посещал храм недавно.

— Мой маленький натурал, ты ведь не очарована мной, не так ли? Почему ты находишь повод поговорить со мной через день? — спросил Чу Синь. Как и прежде, он все еще дерзко

улыбался, отчего уголки его глаз собирались в морщины. — Если хочешь увидеть меня, просто приходи. Я не буду счастлив, если ты спросишь меня о других мужчинах, ты же знаешь. Кстати, почему ты сегодня здесь один? Где твой начальник?

Фан Юаньхан спокойно воспринял его поддразнивания:

— Ладно, тогда я не буду спрашивать ни о ком другом. Я спрошу только о тебе.

Чу Синь поднял брови. В его глазах промелькнула едва заметная смена эмоций.

— Почему ты стал монахом? — спросил Фан Юаньхан.

Чу Синь усмехнулся:

— Мой маленький натурал, сколько раз я уже отвечал тебе на этот вопрос? Я уже наслаждался всем богатством и славой, которые могла мне предложить жизнь. Я уже переспал со всеми красивыми женщинами и красивыми мужчинами, которых только мог пожелать. И вот я увидел свет и решил удалиться в горы, где я мог бы стать монахом. Это очень странно?

Фан Юаньхан рассмеялся:

— Для такого человека, как я, который не спал ни с одной красивой женщиной или красивым мужчиной, это действительно очень странно.

Чу Синь не ожидал, что Фан Юаньхан даст такой ответ. Его улыбка немного напряглась.

Фан Юаньхан не отпустил эту тему. Он настоял:

— Если бы ты сказал, что стал монахом, потому что твое сердце было в плохом состоянии, поэтому ты не мог продолжать сражаться с сыновьями Чу Линьсюна, я бы, возможно, нашел это немного более правдоподобным.

Сказав это, Фан Юаньхан остановился и посмотрел в глаза Чу Синя.

И что удивительно, Чу Синь не дразнил и не приставал к нему, как он обычно это делал.

— Так почему же это так? — продолжил Фан Юаньхан, говоря теперь медленнее. — У тебя, очевидно, есть более убедительное оправдание для того, чтобы стать монахом, и все же ты придерживаешься какой-то истории о «прозрении». Чу Синь, тебе нужно, чтобы я напомнил, что ты замешан в очень важном деле? Твои ответы на эти вопросы не только помогают полиции. Они помогают и тебе, чтобы очистить твое имя от подозрений. Если бы я был тобой, я

был бы очень заинтересован в предоставлении более убедительного объяснения.

Чу Синь прищурился. Трудно было сказать, о чем он думал.

Прежде чем он смог снова заговорить, Фан Юаньхан вдруг решительно добавил:

— Ты говоришь, что «увидел свет», но не говоришь о своем сердечном заболевании. Могу ли я предположить, что есть что-то в твоей операции на сердце, сделанной семь лет назад, о чем ты не осмеливаешься говорить?

Глаза Чу Синя внезапно расширились. Свет в его зрачках сжался до двух точек.

Фан Юаньхан уже много раз общался с ним. Он знал, что именно это и происходило, когда настроение Чу Синя испытывало наибольшие колебания.

Возможно, они попали в точку.

Но буквально через несколько секунд Чу Синь снова принял свою обычную беззаботную манеру поведения и рассмеялся:

— Твоя логика весьма убедительна.

Говоря это, Чу Синь постучал пальцем по груди, по своему сердцу:

— Вы уже осудили меня как подозреваемого, подозрительного человека. Вы считаете, что я знаю, что виновен в каком-то преступлении, и поэтому я должен делать все, что в моих силах, чтобы прикрыть себя и соскочить с крючка. И поэтому вы считаете, что я должен рассказать вам о своем сердечном заболевании, вместо того, чтобы сказать, что я «увидел свет», потому что это было бы более убедительно.

Фан Юаньхан нахмурился.

— Но я знаю, что я ни в чем не виноват, — продолжил Чу Синь, высоко подняв голову. — Мне все равно, считаете ли вы мои слова «убедительными» или «правдоподобными». Я могу говорить все, что хочу. Я не боюсь, что вы начнете расследование, потому что чем больше вы будете расследовать, тем больше вы поймете, что я, Чу Синь, невиновен.

Фан Юаньхан не был уверен, что чувствовать, услышав яростный ответ Чу Синя. Он не мог не задаться вопросом, что бы сделал Минг Шу, если бы он был на его месте. Он бы тоже потерял дар речи? Или он бы сразу же ответил? Или...

Возможно, Минг Шу не стал бы ничего подобного делать.

Фан Юаньхан внезапно ощутил новую волну решимости в своем сердце.

Минг Шу не стал бы препираться с подозреваемым, и он не стал бы возражать просто ради возражения или последнего слова. Потому что это не был какой-то спор, который проверял бы их аргументационные способности. Как детективы, они были обязаны копаться в словах, сказанных во время допроса, находить в этих словах крошечные лазейки и подсказки!

Чу Синь улыбнулся:

— Что такое, мой маленький натурал? Не знаешь, что сказать?

— Меня все еще интересует твоя операция на сердце, — спокойно заявил Фан Юаньхан. Когда его сердце стало ровнее, его разум тоже успокоился. — Можешь ли ты рассказать мне, почему ты поехал за границу на операцию?

Улыбка Чу Синя, казалось, застыла на его лице, сделав все его выражение похожим на пластиковую маску.

Через несколько секунд Чу Синь сказал:

— Это мое личное дело. Я не обязан отчитываться перед вами о нем.

Фан Юаньхан не стал повторять свой первоначальный вопрос, но медленно повторил:

— Личное дело?

Это, казалось, только заставило Чу Синя почувствовать себя еще более неловко. Через мгновение он сказал:

— Сколько лет прошло с моей операции? Как вы думаете, моя операция на сердце как-то связана с делом, которое вы сейчас расследуете?

— Связано ли это с этим делом или нет, я сейчас сказать не могу, — искренне ответил Фан Юаньхан. — Потому что ты мне еще ничего не рассказал.

Чу Синь провел правой рукой по левой руке. Вены на тыльной стороне ладони были едва видны.

Фан Юаньхан вздохнул:

— Если ты действительно не хочешь мне рассказывать, это нормально. Но наше подразделение по тяжким преступлениям отличается тем, что если мы действительно хотим что-то узнать, мы в конце концов это узнаем. Несмотря ни на что.

Выходя из комнаты для допросов, Фан Юаньхан увидел густую тень тьмы в глазах Чу Синя.

Это заставило его почувствовать, что беззаботное и легкомысленное отношение Чу Синя было всего лишь притворством.

Когда Чу Синь стал объектом интереса со стороны полиции, семья Чу, естественно, начала обращать на него внимание. Было ли это внимание порождено искренней обеспокоенностью или нет, еще предстояло определить.

Недавно несколько членов семьи Чу нанесли визиты в Бюро уголовных расследований. Минг Шу обычно не занимался ими лично, но на этот раз с визитом пришел секретарь Чу Цина Шуй Сюнь.

Когда Чу Кана заподозрили в убийстве, он обвинил Шуй Сюня в том, что тот помог ему избавиться от тела. Однако, поскольку никаких доказательств этому не было, полиция не смогла арестовать Шуй Сюня.

Минг Шу был весьма заинтересован в этом секретаре, который, казалось, идеально соответствовал образу «утонченного, но подозрительного» человека.

— Я знаю, что мне не очень уместно сейчас мешать вам работать, но когда господин Чу отдает мне приказ, у меня нет выбора, кроме как подчиниться, — сказал Шуй Сюнь с достоинством, но не преувеличенно. — Чу Синь стал монахом много лет назад, а теперь он внезапно оказался вовлеченным в уголовное дело. Это действительно очень хлопотно для господина Чу.

Минг Шу смерил Шуй Сюня взглядом и сделал вид, что не понял:

— Ты спрашиваешь меня, сняты ли подозрения с Чу Синя в этом деле?

— Конечно, я знаю, что не должен спрашивать о подробностях дела...

— Хорошо, что ты знаешь, что не стоит спрашивать, — прервал его Минг Шу. — Чу Синь — это Чу Синь, а семья Чу — это семья Чу. Чу Синь не только вошел в храм. Он сказал мне, что теперь он набожный буддист, который не имеет ничего общего с твоей семьей Чу.

Брови Шуй Сюня взлетели вверх.

— Не пытайтесь играть со мной в игры, — сказал Минг Шу. — Пока это дело остается

открытым, Чу Синь останется под нашим наблюдением.

Холодная улыбка, без малейшего намека на тепло, тронула уголки губ Шуй Сюня.

У Минг Шу внезапно возникла мысль.

Он не мог думать об этой богатой и влиятельной семье так, как он думал об обычной семье.

Когда полиция подозревала кого-то, члены его семьи часто приходили в Бюро и расспрашивали о нем из беспокойства.

Но когда подозреваемый происходит из богатой и престижной семьи, у его семьи вполне могут быть скрытые мотивы для того, чтобы совать нос и выпытывать информацию. Они могут бояться, что подозреваемый раскроет какие-то важные семейные тайны. Они могут бояться быть замешанными в преступлении.

Была и другая возможность. Кто-то мог планировать что-то сделать с этим подозреваемым, который теперь был защищен, поскольку находился под надзором полиции.

Если бы кто-то планировал причинить вред Чу Синю, он бы не смог действовать сейчас.

Чу Синь отказался от своей старой жизни. Может, он тоже бежал от какой-то опасности?

Минг Шу изучал Шуй Сюня еще некоторое время. Это был, несомненно, человек, достойный быть секретарем президента важной бизнес-империи. Шуй Сюнь не показал почти никаких трещин или слабостей, оставаясь уравновешенным и собранным даже сейчас.

Минг Шу внезапно спросил:

— Если бы Чу Синь больше не находился под надзором полиции, что бы вы с ним сделали?

Шуй Сюнь поправил переносицу очков и рассмеялся:

— Боюсь, я не понимаю вопроса. Господин Чу и Чу Синь — родственники, и они выросли как кузены. Как мы можем планировать что-то с ним «сделать»?

В этот момент кто-то из команды позвал «Капитана Минга».

Минг Шу встал и улыбнулся Шуй Сюню:

— Ты можешь идти. Здесь нет никакой информации для тебя.

Человек, вызвавший Минг Шу, был сотрудником отдела по расследованию тяжких преступлений, но на самом деле Минг Шу вызывал Сяо Юань.

Погода была уже достаточно холодной, чтобы включить отопление, но Минг Шу все равно всегда чувствовал, что в офисе Сяо Юаня холоднее, чем в кабинетах отдела по расследованию тяжких преступлений.

— В соседних провинциях есть два случая, — сказал Сяо Юань, выкладывая стопку документов перед Минг Шу. — Посмотри.

Минг Шу взял файлы и провел несколько минут, просматривая их. Он поднял глаза, озадаченный:

— Дела из провинции Хань и Чжоу?

Эти случаи из соседних провинций не попадали под юрисдикцию города Донгье. Даже если сотрудничество необходимо, сейчас не подходящее время.

В конце концов, у Отдела по тяжким преступлениям было два сложных дела. По словам Фан Юаньхана, это было похоже на то, что их головы вот-вот взорвутся. Они просто не могли позволить себе помогать соседней провинции с еще одним делом.

Сяо Юань не спешил объяснять.

— Продолжай читать. Расскажи мне, что ты думаешь, когда закончишь.

Если бы кто-то другой сказал такое Минг Шу, он бы швырнул документы обратно и вышел из комнаты. Но это был Сяо Юань.

Хотя Сяо Юань время от времени поддразнивал Минг Шу, когда у него было настроение, он никогда не шутил о работе. Если он сейчас говорил Минг Шу заняться рядом несвязанных дел, в этих файлах должно было быть что-то важное.

Минг Шу кивнул и снова сосредоточился на файлах.

Первый случай.

Два года назад в Хунчэне — втором по величине городе в провинции Хань после Лочэна — произошел ужасный случай. Преступник все еще был на свободе; полиции Хунчэна так и не

удалось найти надежную зацепку.

Жертвами стала семья из четырех человек. Главой семьи был мужчина по имени Цао Фэнхуай, тридцати семи лет. Его жене на тот момент, Цю Линь, было двадцать один год. Двое детей были шести и четырех лет, и оба были рождены Цао Фэнхуаем и его бывшей женой.

Отец Цао Фэнхуая, Цао Сюань, был предпринимателем. Он создал себя из ничего в юности, упорно трудясь, чтобы добиться успеха. Оседлав волну правительственных проектов, Цао Сюань смог принести большое состояние своей семье. Он превратил свою семью в относительно видного лидера в Хунчэне.

С самого детства Цао Фэнхуай не испытывал ни дня лишений. Многие считали его «молодым господином» своей семьи. Он никогда не работал и только страстно интересовался всеми видами женщин. Когда ему было тридцать, он женился на женщине, которая забеременела от него, но продолжал посещать ночные клубы даже после женитьбы.

Его первая жена родила ему дочь, потом сына. Затем, когда они развелись, она получила от семьи Цао большую сумму в качестве компенсации.

Вторая жена Цао Фэнхуая, Цю Линь, была продавщицей косметики. Она была молода и красива, но, к сожалению, ее трагически постигла смерть менее чем через год после вступления в брак с семьей Цао.

Судя по записям с места преступления и отчетам о вскрытии, четверо членов семьи Цао погибли ужасной смертью. Груды Цю Линь были отрезаны, а ее тело и красивое лицо были изрезаны острым предметом. Цао Фэнхуай постигла еще худшая участь. С него практически содрали кожу стальной щеткой. Когда его нашли, его кожа свисала с тела полосками.

— Это... — Чем больше Минг Шу читал, тем глубже становилась складка между его бровями.

Было сходство между смертями двух пар — Цао Фэнхуай и Цю Линь, а также Цинь Сюн и Хуан Хуэй. Наиболее очевидной связью было то, что у Хуан Хуэй также были отрезаны груди.

Убийца не оставил на месте происшествия никаких следов, а камеры наблюдения возле виллы семьи Цао не зафиксировали подозрительных лиц. Этот человек пришел в дом Цао, как привидение, а после того, как ему это удалось, ушел, как привидение.

Цао Фэнхуай был любимым сыном Цао Сюаня. Узнав о смерти Цао Фэнхуая, Цао Сюань немедленно оказал давление на полицию, чтобы найти убийцу как можно скорее. Полиция Хунчэна создала оперативную группу для тщательного расследования сети связей Цао Фэнхуая.

Убийца был настолько жесток, что наиболее вероятным объяснением было убийство из мести,

но полиция проверила каждого человека, у которого мог быть мотив для убийства Цао Фэнхуая, но не нашла никаких улик против кого-либо из них.

Самым главным подозреваемым, несомненно, была бывшая жена Цао Фэнхуая, Си Сяотянь.

До того, как были убиты четыре члена семьи Цао, Си Сяотянь неоднократно преследовал Цю Линь, угрожая однажды убить «эту шлюху» и вывесить ее грудь на балконе, чтобы все «любовались».

Однако у Си Сяотянь было надежное алиби на момент смерти, которое определила группа криминалистов для семьи Цао. И в ходе последующего расследования детективы не смогли найти никаких доказательств того, что она наняла убийцу.

В прошлом году Цао Сюань перенес инсульт и впал в кому. Его старшая дочь и второй сын боролись за контроль над семьей, в то время как дело Цао Фэнхуая постепенно стало нераскрытым из-за отсутствия зацепок. Хотя полиция Хунчэна, казалось, все еще расследует дело, на самом деле они уже начали сдаваться.

Второй случай.

Год назад в городе Цзинли провинции Чжоу отставной тюремный охранник по имени Гун Гочжэнь трагически погиб в собственном доме вместе со своей женой Кун Юэ и внуком, который в то время жил с ними.

Этот случай имел сходство с предыдущим. Одна из грудей Кун Юэ была отрезана, но кожа Гун Гочжэня не была содрана железной щеткой. Вместо этого убийца использовал тупой предмет, чтобы сломать все кости в его теле.

Город Цзинли был небольшим городом, и их система общественного наблюдения была неидеальной. Дом Гун Гочжэня находился в старом жилом районе, камер наблюдения для проверки не было.

Позже, когда полиция изучала прошлое Гун Гочжэня, они узнали, что он всю жизнь был тюремным охранником. Он навредил бесчисленному количеству заключенных, и у каждого из них мог быть мотив для совершения этого преступления.

После того, как Гун Гочжэнь был убит, другой охранник из той же тюрьмы, Цянь Си, также был убит в своем собственном доме. Убийца, Лю Чэн, был вскоре пойман. Он признался в убийстве Цянь Си, потому что тот использовал свою власть и авторитет, чтобы оскорблять его, пока он был в тюрьме. Лю Чэн утверждал, что хотел убить всех этих охранников одного за другим, и он настаивал, что убил и Гун Гочжэня.

Однако полиция не приняла это объяснение как факт. Полиция города Цзинли по-прежнему

считала, что семью Гун Гочжэня убил кто-то другой.

Минг Шу отложил дела, встал и принялся рассказывать по комнате.

Географически провинция Чжоу находилась к северу от города Донгье и провинции Хань, но все они могли считаться соседними регионами. И судя по тому, что во всех трех случаях речь шла об отрезании груди у женщины, убийца семьи Цао Фэнхуая, семьи Гун Гочжэня и семьи Цинь Сюна, похоже, был одним и тем же человеком.

Однако в настоящее время не выявлено никакой очевидной связи между этими тремя семьями.

— Судя по имеющимся у нас подсказкам, семья Цинь Сюн погибла от рук мстительного Цинь Ина, — сказал Минг Шу после долгого раздумья. — Тогда, если эти три случая связаны, это значит, что семьи Цао Фэнхуая и Гун Гочжэня также погибли от рук Цинь Ина? Цинь Ин тоже отомстил им? В прошлом году и позапрошлом году... Цинь Ин убивал по одной семье в год. Семья Цинь — конец или нет?

— Я получил наводку из тюрьмы, где когда-то работал Гун Гочжэнь, — сказал Сяо Юань. — Семь лет назад заключенный по имени «Бай Ин» успешно сбежал из этой тюрьмы. Его местонахождение до сих пор неизвестно.

<http://bllate.org/book/14859/1321974>